

КАВКАЗЪ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Тифлисъ: въ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта, въ книжныхъ магазинахъ В. А. и Я. А. Исаковыхъ, г. Крашенинникова, и С. П. Лоскутова. Въ Москвѣ: въ Газетн. Экспедиціи Московск. Почтамта. Подписываться также можно и во всѣхъ Губернскихъ Почт. Конторахъ.

1853.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. 50 к.

Полугодовое 4 . 50 к.

Газета печатается съ платою за каждую букву по 1/4 коп. сер. со всѣхъ объявленій безъ всякаго исключенія.

РАСПОРЯЖЕНІЯ Главнаго Закавказомъ Начальства.

Сигнахскій городничій штабъ-капитанъ **ЛЕОНТЬЕВЪ** и помощникъ Телавскаго уезднаго начальника, титулярный советникъ **МИХАЙЛОВСКІЙ**, перемещены одинъ на мѣсто другого.

Помощники уездныхъ начальниковъ: Александропольскаго, титулярный советникъ **СТРЕЛЬБИЦКІЙ** и Ордубатскій, коллежскій ассесоръ **ГАСПАРОВЪ**, перемещены одинъ на мѣсто другого.

Января 5-го дня Его Святлостъ Князь Намѣстникъ Кавказскій позволилъ отдать слѣдующій приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу:

5-го Декабря 1852 года войска, назначенныя для вырубкы просѣкъ по ущельямъ нагорной Малой Чечни, сосредоточились подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Барона Вревскаго у Ачхоевскаго укрѣпленія, въ составъ четырехъ баталіоновъ пѣхоты, саперной, штуцерной, стрѣлковой и конно-ракетной командъ, восьми сотенъ кавалеріи и трехъ сотенъ милиціи при двѣнадцати орудіяхъ.

Расположеніе отряда у Ачхой ставило непріятелей въ недоумѣніе на счетъ нашихъ намѣреній и не позволило имъ, оставивъ свои дома, собраться значительными партіями, ибо отъ Ачхой можно въ нѣсколько часовъ дойти до ущелій Шалажинскаго и Нетхойскаго или Бумутскаго.

4-го числа отрядъ двинулся къ Нетхойскому ущелью и, достигнувъ опушки лѣса, открылъ по ней огонь изъ орудій; по этимъ выстрѣламъ Чеченцы начали стекаться въ заранѣе приготовленные ими завалы, но едва они успѣли сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ въ тылу ихъ показались, въ обходъ посланныя, наши войска. Завалы немедленно были брошены и отрядъ расположился лагеремъ.

5-го числа приступлено было къ вырубкѣ лѣса по правому берегу р. Нетхой, по обѣ стороны дороги, ведущей оттуда въ Ачхой. Въ тотъ же день явились въ лагерь старшины аула Темси-Юртъ съ покориостію и просьбою о помощи для переселенія 19 семействъ.

6-го Декабря колонна изъ 2 1/2 баталіоновъ пѣхоты, 4-хъ сотенъ кавалеріи, всей милиціи, при дивизионѣ горныхъ орудій вступила въ Нет-

хойское ущелье. Не смотря на огонь и сопротивленіе непріятеля, непокорные аулы Темси-Юртъ, Кастрой-Юртъ, Иналь-Юртъ, Высынъ-Гирей, Гакимовъ, Тепаль-Юртъ и Гати-Юртъ были взяты и сожжены, между тѣмъ какъ другая часть войскъ содѣйствовала къ переселенію вновь покорившагося аула Темси-Юртъ, гдѣ женщины и дѣти доверчиво перемѣшались съ солдатами, дружно помогавшими имъ переносить всю домашнюю утварь и запасы ихъ на транспортныя повозки. Эти двѣ столь противоположныя картины видимо произвели глубокое впечатленіе на всѣхъ Азіатцевъ, находившихся въ отрядѣ. — На обратномъ пути казаки уничтожили аулы Аки-Юртъ и Газалипъ. А на другой день маіоръ Лузановъ, съ карабинерами Эриванскаго Наслѣдника Цесаревича полка, пройдя прямо чрезъ лѣсъ, сжегъ аулъ Цокли. Въ слѣдъ за тѣмъ выведено еще 14 семействъ и выданы аманаты отъ 25 семействъ.

На помощь жителямъ этого ущелья прибыла со стороны Мереджи партія Лезгинъ и Чеченцевъ, подъ начальствомъ наибовъ Сапдуллы и Дубы. Чтобы показать непокорнымъ ауламъ, что присутствіе этихъ партій не имѣетъ ни

ФЕДЬТОНЪ.

Мой почлегъ въ грузинской деревнѣ.

Случилось мнѣ разъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не помню осенью или зимою, потому что на дворѣ стояла погода не то осенняя, не то зимняя, было и не тепло и не холодно — вѣхъ вѣрхомъ въ Манглисъ. Тогда еще не существовала чрезъ сомолакскую гору теперешняя гладкая дорога, зигзагами вилась тропка, проложенная пѣшеходами, ишаками, угольщиками и верховыми лошадьми окрестныхъ поселеній — спускавшихся по ней въ котловину Тифлиса. Собрался я въ путь за часъ до заката солнца, а когда спотыкавшаяся на каждомъ шагѣ о мелкій щебень лошадка встала на меня на гору, ужъ въ городѣ зажигались и сверкали вечерніе огоньки. Любоваться видомъ Тифлиса мнѣ было не досугъ: тридцати-пятиверстная дорога ждала меня впереди. Расчитывая я на лунную ночь, думалъ къ разсвѣту быть на Манглисъ, а вышло иначе. На бѣду мою небо покрылось облаками, темнота сдѣлалась большая, да въ добавокъ стала перенатать легкій дождь. Какимъ образомъ случилось, что съ твердо убитаго грунта дороги — попалъ я на вспаханное поле, и сколько протхалъ по этому полю — я самъ не знаю — только понялъ, что воте-рять дорогу, когда лошадь съ разу остановилась и, не слушаясь приглашенія ногайки идти впереди, уперлась передними ногами и не двигалась съ мѣста. Слѣзъ я съ упрямы и не къ малому изумленію открылъ, что стоимъ мы на краю какого-то оврага, а за оврагомъ какъ будто слышится вдали лай собакъ,

да мерцаетъ слабый огонекъ. Деревня должно быть, подумалъ я, и потянувъ за поводъ лошадь, пошелъ вдоль оврага — чтобы добраться до деревни или переночевать тамъ или взять проводника. Но какъ нарочно окранныи оврага были обрывисты, переправиться чрезъ него съ лошадыю казалось трудновато, какъ нарочно тянулся онъ Богъ знаетъ куда; посмотрѣвъ впереди оврагъ и оврагъ, внизъ темно и круто, а на днѣ ворчить какой-то ручей. Слово добрый русскій мужикъ сталъ я думать — ужъ не обошелъ ли меня лѣшій, не мутитъ ли онъ въ глазахъ. Какъ въ двухъ трехъ верстахъ потерять знакомую мнѣ дорогу, да еще наткнуться на эту безконечную ложбину!.. а тутъ какъ нарочно лошадь едва ступаетъ: потянешь за поводъ — она сдѣлаетъ шага два, опустивъ — остановится!.. Я дѣтски досадовалъ и на себя, и на лѣшваго коня, и на темную ночь — какъ вдругъ откуда не возьмись бро-силась на меня собака. Но ея чрезвычайно усердию лаю — я основательно заключилъ, что жилище хозяина, внутреннее ея бдительности, должно быть не далеко. И точно чернѣется какісь заборъ, воть въ сторонѣ не то построенное что-то, не то вырытое въ землѣ: должно быть сакля. До сихъ поръ не могу объяснить себѣ, какииъ образомъ деревни, бывшая, какъ мнѣ казалось, по ту сторону досаднаго оврага — перешла на эту. Но какъ бы то ни было, случай или лѣшій виноваты — а попалъ я въ Цаскис, помѣщицкую деревню. Облака разползли по небу, проглянувъ краешекъ ибелца — и увидѣлъ я предъ собою, какъ на ладони, всю деревню.

На первомъ планѣ красовался новый домъ помѣщика, построенный съ видимымъ желаніемъ сдѣлать его похожимъ на европейскіе дома, а не подалеку

возвышались старинныя кирпичныя башни, остатки бывшаго замка. Почти въ каждой грузинской деревнѣ, расположена ли она на уступахъ горы или на плоскости — вы встрѣтите эти башни. По величинѣ ихъ, по чистотѣ и крѣпости постройки — можно судить о силѣ, богатѣ и знатенѣ, или ибѣ — былъ сдѣвшій въ нихъ нѣкогда феодалъ, владѣвшій деревнею и часто правившій пѣльмъ округою. Чемъ богаче была княжеская или дворянская фамилія, тѣмъ сильнѣе укрѣпляла свое пепелище, чтобы соблазненный богатствомъ врагъ, не вздумалъ бы прійти похозяйничать въ немъ. На страхъ непріятелю строились они и для возбужденія къ себѣ почтенія въ окрестныхъ владѣльцахъ. Да и нельзя было ихъ не строить, ужъ таковъ былъ вѣкъ. Тотъ не былъ баринъ — кто не былъ силенъ, а сильнымъ считался кто и самъ молодцемъ владѣть тяжелою саблею, и кто могъ собрать — въ одинъ часъ лихую дружину, идти съ нею бить нехристовъ, а подъ часъ и своихъ братьевъ. Когда я смотрю на эти башни, мнѣ приходится на память рассказы Мериме о Корсикѣ. Мнѣ такъ и кажется, что когда-то и здѣсь и въ этихъ башняхъ творились темныя дѣла, что заколачивались на глухо крѣпкія ихъ двери, изъ бойницъ высовывались дула ружей, гремѣли выстрѣлы — то довелось князю феодалу отстаивать свои права или выдерживать осаду кровомстителя, а въ мирное время, когда мужикъ гортаннымъ крикомъ по-нуждалъ буйволовъ тащить тяжелый плугъ, съ вершины башни сторожевой осматривалъ окрестность — не пробирается ли гдѣ шайка Ахалцихской вольницы, не крадутся ли проклятыя Лезгинны... Теперь настало иное время: Россія и просвѣщеніе дали Грузинъ миръ. Башни феодалу не нужны, онъ растегнулъ

1852 г. 308-411033

малѣйшаго вліянія на дѣйствія отряда, произведена была 11-го числа фуражировка въ бакаевскомъ лѣсу, по близости мѣстопребыванія Сабдуллы, въ виду собравшихся Чеченцевъ, не посмѣвшихъ однакоже оказать какое либо сопротивление войскамъ нашимъ.

15-го числа совершенно была окончена просявка по дорогѣ, ведущей изъ Ачкая въ Нетхойскіе хутора. Она имѣетъ около двухъ верстъ длины и ширинѣ менѣе 100 сажень ширины. Устройство этой просявки отняло у непокорныхъ Чеченцевъ значительное количество земли, которое могло прокормить до 1500 душъ.

Исполнивъ все предположенное на р. Нетхой, отрядъ былъ обращенъ на другое, неменѣе важное, но болѣе трудное дѣло.

Для обузданія верхне-Фортангскаго народонаселенія, состоящаго преимущественно изъ бѣглецовъ и абрековъ, необходимо было проложить прямое сообщеніе отъ бумутскаго укрѣпленія до аула Гандыль-Басъ.

Но проложеніе этого сообщенія на разстояніи 12 верстъ весьма трудной мѣстности стоило бы намъ слишкомъ дорого, если бы разработка началась только отъ Бумута; для успѣха необходимо было охватить все означенное пространство влугу и прежде всего навести страхъ на непокорныхъ, разсѣявъ ихъ надежду на недоступность ихъ вертеповъ. Генераль-Маіоръ Баронъ Вревскій рѣшился взять аулъ Гандыль-Юртъ, и съ этою цѣлью, по его приказанію, въ 9-ть часовъ вечера 14 Декабря, соблюдая совершенную тишину, выступила изъ лагеря колонна Генераль-Маіора Ливевича, направляясь къ этому аулу по дорогѣ, которую горцы оставили безъ наблюденія, почитая ее сами непроходимой. Самъ же Генераль Вревскій дви-

нулся съ одною кавалерією вдоль праваго берега Фортанги и къ разсвѣту достигъ гребня, возвышающагося въ 4-хъ верстахъ отъ аула, остановился на немъ для обозрѣнія мѣстности, и въ особенности дабы обратить на себя вниманіе непріятеля и дать возможность колоннѣ Генераль-Маіора Ливевича подойти и овладѣть Гандыль-Басомъ. Такъ и случилось. Непріятель, открывъ Барона Вревскаго, собрался противъ него, а между тѣмъ главная колонна вала аулъ Гандыль-Басъ почти безъ боя, а Генераль-Маіоръ Баронъ Вревскій вскорѣ присоединился къ этой колоннѣ. Въ аулъ захвачено много скота и большіе запасы хлѣба. Вскорѣ непріятель собрался, завязавъ перестрѣлку, но безъ всякаго успѣха.

По занятіи аула весь отрядъ обращенъ былъ на проложеніе сообщенія. Для большаго успѣха работы, Бумутскій гарнизонъ прекратилъ всѣ работы по укрѣпленію и, усиленный 5-мя ротами съ суженской линіи, занялся также устройствомъ дороги. На всѣхъ 5 верстахъ между Гандыль-Басомъ и Бумутомъ были поставлены части войскъ и 18 числа работа закончилась. Каждый день сообщеніе становилось свободнѣе и вскорѣ жители могли въ этомъ увѣриться. Когда получено было свѣдѣніе, что скопище, собранное въ верхне-Аргунскихъ обществахъ, приближалось къ Гандыль-Басу, чрезъ нѣсколько часовъ отрядъ, пройдя по новой дорогѣ, былъ уже тамъ и партія послѣдно удалась.

25-го Декабря войска двинулись на линію; устрешенные этимъ старшины нов. Датыха явились съ покорностію, аулъ Шаутъ-Охъ изъявилъ также желаніе покориться. 24-го числа войска были распущены на зимнія квартиры.

Кромѣ сожженія названныхъ ауловъ, горцы

лишились почти всѣхъ запасовъ кукурузы и сѣна, истребленныхъ отрядомъ.

Всѣ эти успѣхи приобретены съ потерей убитыми 5-хъ нижнихъ чиновъ, ранеными 1-го оберъ-офицера (капитанъ князь Шаликовъ) и 26 нижнихъ чиновъ.

Обращая вниманіе на благоразумныя и вполне отличныя распоряженія Генераль-Маіора Барона Вревскаго, обезпечившія, съ такою ничтожною потерей, успѣхъ столь важнаго и полезнаго по своимъ послѣдствіямъ дѣла, мнѣ пріятно выразить ему мою совершенную и негнѣнную признательность. Благодарю также Генераль-Маіора Ливевича, Полковника Карева, Подполковниковъ: Неймана, Сулимовскаго и Маллера, Маіоровъ: Чачикова, Цептиловича, Лузанова и Войсковаго Старшину Предилірова, Капитановъ: Услора, Талрепа и Князя Шаликова, Штабъ-Капитановъ: Радича, Князя Оболенскаго, Бениславскаго, Степанова и Штабъ-Ротмистра Барона Штакельберга, Поручиковъ: Подымова и Кришцаго и всѣхъ гг. Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и нижнихъ чиновъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ.

— Въ 98-мъ № Од. Вѣст. на 1852 г. напечатано извѣстіе, полученное изъ Тренизона отъ 7-го Декабря, что «холера производитъ страшныя опустошенія въ Персіи; въ первыхъ числахъ ноября, число умирающихъ отъ этой эпидеміи въ Тавризъ доходило, какъ увѣряютъ, до тысячи человекъ въ день.»—Считаемъ нужнымъ опровергнуть это извѣстіе. По письмамъ отъ достовѣрныхъ людей, полученнымъ

своей поясъ, повѣсилъ дѣдовскій кивчалъ на стѣнку, надъ тахтою, и переселился въ городъ. Башни заросли бурьяномъ или навалили въ нихъ сѣмь и ямень, поставили быковъ, но оставленные потомками своихъ суровыхъ строителей—они еще долго простоятъ памятниками этого прошедшаго желѣзнаго вѣка Грузіи, этого рыцарства, не блестящаго на турнирахъ, не оголяющаго гербами и девизами, но глубоко, и до нынѣ, запечатлѣващаго туземныя нравы...

Въ Россіи и Грузіи и во всемъ свѣтѣ въ деревняхъ рано засыпаютъ. Былъ часъ девятый, но Цацкиси спали, и огонекъ только пробивался сквозь тускляя окна церкви, стоящей посреди деревни, въ кругу могилъ съ плоскими надгробіями. Въ тиши и темнотѣ было что-то отрадное, влекущее въ этомъ огнѣ. Богъ вѣсть кто зажегъ его,—старуха ли бѣдная, горюя о чемъ нибудь, купила за послѣдній шауръ восковую свѣчу и сама бѣлыми погань, приходила въ сумерки походить образу заступницы Грузіи, Божьей Матери, или зажиточный мужикъ, умиравъ завѣщая *Декавици*, чтобы по душѣ его, во искупленіе тяжкихъ грѣховъ, сорокъ дней и сорокъ ночей—теплалась бы лампада, или то самъ священникъ зажегъ ту лампаду наканунѣ церковнаго праздника...

Подъ стѣнами церкви, между могилъ, пріотилось стадо овецъ и спалъ пастухъ. Отъ приближенія моего вструпенулась и заплеска пастушья сабака и стали подыматься на ноги бѣлошерстныя овцы, словно тѣни мертвыхъ въ Робертъ. Проснулся пастухъ, и уважая во мнѣ достоинство *батано*, господина, почтительно снѣлъ папахъ. Я узналъ отъ него, что пошшика въ деревнѣ *ар-арисъ*, вѣтъ, что онъ въ *калакши*, въ городѣ, — а что есть *нацвалъ* (староста), который и есть старшій надъ вѣтми... Я читалъ стихотвореніе Полонскаго, *Грузинская ночь*, гдѣ онъ говоритъ, что ему

... такъ хорошо здѣсь, подъ этимъ прохладнымъ навѣсомъ,

Подъ этимъ навѣсомъ уютной нацваловой сакли, и мнѣ захотѣлось испытать не будетъ ли также и мнѣ хорошо, какъ поэту, переночевать въ нацваловой сакли. Пошли мы съ пастухомъ къ нацвалу; но госте-

пріимство нацвала простиралось только на двѣнадцать человекъ, на двѣнадцать Грековъ, изъ Цалки, которые по его словамъ, шли за семьдесятъ верстъ въ Тифлисъ, подать прошеніе, и остановились у него, по знаменству и по причинѣ темной ночи—переночевать, но что впрочемъ, если *князь*, *батано*, сиречь я, захочу, то онъ, нацвалъ, не смотря на знакомство и темную ночь, тотчасъ прогонитъ Грековъ и очиститъ для меня саклю. Но не желая искушать гостепрѣимство нацвала, ни тревожить Грековъ, идущихъ за семьдесятъ верстъ въ Тифлисъ, подать прошеніе, не захотѣвъ быть ни единственнымъ, ни тринадцатымъ гостемъ нацвала, я просилъ его указать мнѣ другое мѣсто для почета. Повѣлъ онъ меня въ духанъ. Гостепрѣимство духанщика было иного рода; мѣсто для меня, по его увѣренію, ужъ готово, онъ будто зналъ, что пріѣдетъ хорошей человекъ и не пускалъ на пологъ много народа, что точно у него почуветь человекъ двѣнадцать, но все они люди добрые, честные: аробичики, угольщики, дровосѣки, да поселане изъ ближней деревни, что можно ихъ подсунуть поближе, потѣшите и для меня очистите славное мѣстечко. Нацвалъ подтверждалъ его слова и говорилъ, что точно для меня можно очистить славное мѣстечко. Но тогда сталъ я просить его силно и убѣдительно—нельзя ли мнѣ отыскать гдѣ нибудь пологъ, не сдвигая потѣшите аробичиковъ и не изгоняя Грековъ идущихъ за семьдесятъ верстъ, въ Тифлисъ, подать прошеніе. Нацвалъ подумалъ, подумалъ и сказалъ, что есть хорошее мѣсто. Появился мы къ хорошему мѣсту.

Хорошимъ мѣстомъ нацвалъ называлъ маленькую саклю, закрытую въ землю почти на самомъ отлетѣ деревни. Кругомъ ей было голо, пусто. Не росло подлѣ деревца, не было, какъ въ Малоросіи, ни огорода, ни палисадника, гдѣ хозяйка развела нагодки, откуда несетъ запахъ чебреца, не было двора, на которомъ русскій мужикъ нагромодилъ бы амбары, клѣти, хлѣва и курятника, не было, какъ говорителъ, ни кола, ни двора—смотрѣла сакля какъ-то бѣдно, какимъ-то бобылемъ. Въ полурастворенную дверь прикрытую низкими навѣсомъ—юркнулъ нацвалъ, восклицая: *Юване! Юване!* и приглашая меня слѣдовать за собою вмѣстѣ съ лошадыю. Поговоривъ съ хозяиномъ сакли, нацвалъ ушелъ, оставивъ меня

съ сильнымъ желаніемъ узнать, что за хорошее мѣсто онъ отвелъ для моего почета. Но разложенные посреди сакли и покрытые неплотъ угли, плохо ее освѣщали: я заметилъ только какую-то фигуру, подлѣвшую съ полу. Сказавъ гостепрѣимное: *мобзанди батано*, фигура пошевелилась у огня, приглашая меня сдѣлать тоже самое. Уставъ въ дорогѣ, я усеялся бы и самъ, безъ приглашенія, но не зналъ куда дѣвать лошадь, которую держалъ за поводъ. Тогда снова поднялась фигура, отвела лошадь въ уголь и снова усеялся у огня, раздувая его и грѣя руки. Я попросилъ своего молчаливаго хозяина, нельзя ли зажечь свѣчу. Это очень естественное мое желаніе по видимому сильно его озадачило: онъ сталъ какъ-то странно двигаться, поправлялся и дѣлать видъ будто одѣвается, то подтягивалъ поясъ, запахивалъ чуху, то надвигалъ на глаза папахъ и снова его приподымалъ,—одѣваться-же ему вовсе не нужно было: онъ спалъ въ полномъ своемъ костюмѣ, и даже съ шапкою на головѣ. Наконецъ Юване подошелъ ко мнѣ, протянулъ руку и лаконически сказалъ: *ну!* Страннымъ показалось мнѣ его требованіе денегъ, впередъ, за одну свѣчу—но оказалось что у бѣдняка не было дома свѣчки, что нужно было сходить за нею въ духанъ. Вручивъ ему *ну!* и попросивъ купить мнѣ что нибудь на закуску, а лошади литру ячменя—я сталъ класть на уголь хворостъ, ту же валившійся на полу. Когда вспыхнулъ огонекъ, я къ изумленію своему заметилъ, что нахожусь въ хорошемъ мѣстѣ не одинъ, что въ углу, рядкомъ съ моею лошадыю, у ясель—стоятъ два ишака. Какъ новичекъ въ Грузіи, я тогда не зналъ что это случается силою и рядомъ въ деревенскихъ сакляхъ, что обижаться мнѣ этимъ сосѣдствомъ вовсе не слѣдуетъ, но тогда я сильно досадовалъ на плута нацвала, пересталъ вѣрить въ его двѣнадцать Грековъ изъ Цалки и жалѣлъ, что не принялъ предложеніе духанщика тѣшить подсунуть аробичиковъ и угольщиковъ. Ишаки же по видимому вовсе ни досадовали, что къ нимъ пожаловала лошадь. Смирные и задумчивые, какъ всегда—они тихо стояли, повременамъ протягивая морды къ яслямъ и дѣлая губами движенія будто ѣдятъ, но вѣтъ было совершенно нечего, ясли были пусты.

Когда возвратился Юване, зажегъ свѣчу и стаи мы

94135340

здѣсь изъ Тавриза—холера совершенно прекратилась и многіе изъ жителей, испуганныхъ—было этою болѣзнію и оставившихъ Тавризу, обратно съезжаются туда.

Отчетъ о выставкѣ огородныхъ произведеній, бывшей 15-го Октября 1852 года, въ Тифлиси.

(Окончаніе.)

Огородныя произведенія и овощи, заготовленные въ прокъ, представлены Полковникомъ Демонкалемъ, Л. Шарономъ, помѣщикомъ Арджеванидзе-Макаровымъ и крестьяниномъ Чубинадзе.

Полковникъ Демонкаль представилъ соленые огурцы, маринованный виноградъ, сливы и вишни, вареные въ меду алычу и кизиль и сушенія сливы, по польски называемыя «роженки». Огурцы были очень хороши. Маринованные фрукты приготовлены превосходно и налиты хорошимъ уксуcomъ. Сушенія сливы, называемыя роженки, превкусны и у г. Демонкаля умѣютъ готовить ихъ превосходно.

Г. Арджеванидзе-Макаровъ представилъ маринованные—виноградъ, перенки, бодраджаны, помидоры, унаби, кизиль, дыни, тыквы, чеснокъ, лукъ, огурцы, лоби и свеклу. Все эти маринаты были приготовлены въ туземномъ вкусѣ и, по убѣренію туземцевъ, были очень хороши.

Л. Шаронъ представилъ маринованные огурцы, цвѣтную канусту, пикуну и перенки. Банки съ этими маринатами были закупорены отлично, такъ-что все они могутъ сохраняться довольно долго безъ всякой порчи. Уксуcomъ

очень хорошъ, но Шаронъ слишкомъ много прибавляетъ приностей въ свои маринаты, что совершенно заглушаетъ вкусъ маринованныхъ овощей.

Крестьянинъ Чубинадзе представилъ связку сушеныхъ перенковъ. Плоды эти имѣли пріятный вишневый вкусъ и были довольно мягки.

Фрукты были представлены отъ помѣщика Барона А. П. Николая, Полковника Демонкаля, иностранца Л. Шарона и изъ ботаническаго сада.

Баронъ А. П. Николай представилъ 14-ть образцовъ фруктовъ изъ своего имѣнія Бетани, находящагося не въ дальнемъ разстояніи отъ урочища Колжоры. Фрукты эти были отъ двухлѣтнихъ прививокъ, черенками привезенными изъ Крыма, и были все отличнаго качества.

Подобные же фрукты были представлены Полковникомъ Демонкалемъ; изъ нихъ болѣе всего заслуживаютъ вниманія желтые ренеты.

Л. Шаронъ изъ фруктовъ представилъ гранаты, вишнри и свѣжія вишни, которыя сохранилъ онъ на деревѣ до этого времени. Сохраненіе до октября мѣсяца свѣжихъ вишенъ на деревѣ заслуживаетъ вниманія, какъ секретъ, который тогда только будетъ имѣть значеніе, когда Л. Шаронъ сдѣлаетъ его извѣстнымъ всякому.

Тринадцать видовъ винограда, воздѣлываемые въ ботаническомъ саду, прекрасны; жаль только, что никто болѣе не представилъ винограда изъ Крымскихъ и вообще изъ нетуземныхъ лозъ, тогда можно было бы сравнить и оцѣнить различные роды отдѣльно.

Комитетъ, назначенный для устройства выставки и оцѣнки представленныхъ на оную ого-

родныхъ произведеній, разсмотрѣвъ эти фрукты произведенія, заключилъ, что такъ какъ ни одинъ изъ выставщиковъ не удовлетворилъ вполне всѣмъ условіямъ программы выставки, относительно назначенія первой большой преміи, то премія эта въ нынѣшнемъ году никому выдана быть не можетъ, а на мѣсто ея могутъ быть даны двѣ вторыя большія преміи и двѣ третія большія преміи.

Разсмотрѣвъ отчетъ, представленный Обществу Комитетомъ выставки, Совѣтъ Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства, по соображенію всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ относительно присужденныхъ за ту выставку поощрительныхъ наградъ, постановилъ: выдать за лучшія изъ представленныхъ на выставку произведеній три вторыхъ и одну третью премію, а именно:

1) Помѣщику горійскаго уззда князю Георгію Отаровичу Амилухварову, какъ первому между туземными помѣщиками обратившему вниманіе на огородничество, показавшему въ этомъ дѣлѣ примѣръ и болѣе 5-хъ лѣтъ занимающемуся дѣломъ этимъ съ особеннымъ постоянствомъ и усердіемъ,—Общество, за прекрасныя огородныя произведенія его, бывшія на выставкѣ, назначило выдать вторую большую премію, состоящую изъ серебряной кулы въ сто рублей серебромъ.

2) Полковнику Ивану Антоновичу Демонкалю, за отличныя огородныя произведенія въ естественномъ видѣ и приготовленныя въ прокъ, посредствомъ маринованія, которыя были представлены имъ на выставку, изъ коджорскихъ его огородовъ, вторую большую премію—серебряную кулу въ сто рублей серебромъ.

3) Иностранцу Луи Шарону, какъ первому

съ нимъ одолевать заржавленный доши (балыкъ) и сухой сыръ, запивая виномъ изъ маленькаго глинянаго кувшина—мнѣ удалось заставить его разговариваться. Съ удовольствіемъ узналъ я, что мои догадки насчетъ нацвала справедливы, что точно онъ плутъ, даже большой плутъ, что едвали у него оставались двѣнадцать Греновъ, а спитъ онъ себѣ теперь одинъ иль радуется, что избавился отъ нежданнаго гостя, что вообще онъ пріѣзжихъ принимать не любитъ, а навязываетъ ихъ тѣмъ мужикамъ, на которыхъ за что нибудь сердитъ, и на него, Юване, онъ сердитъ за отказъ привезти въ пешкешъ вьюкъ углей, что онъ, Юване, честный человекъ, живетъ себѣ одинъ, безъ жены и дѣтей, а нацвала не бонтелъ—и углей ему въ пешкешъ возить не станеть. Отъ доушности нацвала рѣчь обратилась къ житію—бытію моего хозяина. Съ величайшимъ хладнокровіемъ старикъ отвѣчалъ на все мои вопросы, одинаково не воодушевляясь, не пѣвляя ни голосу, ни выраженія лица—онъ говорилъ, что на свѣтѣ жить старикамъ плохо, что было ему лучше пока не умерла жена, да трое взрослыхъ дѣтей, и что въ Тифлиси выгодно возить ишачіе вьюки дровъ на продажу, но что онъ не возить ихъ каждый день, потому что это далеко, а пойдеть себѣ въ лѣсъ, нарубить дровъ и отвезеть въ городъ когда деньги выйдуть. . . По многомъ другомъ Юване говорилъ одинаково спокойно, казалось, ему было все равно, чтобы съ нимъ, или съ кѣмъ дружилъ, ни случилось; если бы ему сказали что на дворѣ идетъ дождь и что воскресла царница Тамара, то два эти различныя извѣстія на него произвели бы одинаковое впечатлѣніе, т. е. никакого.

Беседа наша была прервана козическою сценою, происходившею въ углу сакли. На сценѣ были ишачки; наскучивъ постомъ и соблазненные ячменемъ, искусно хрустѣющимъ на зубахъ моей лошади, они протягивали къ нему морды, но получая суровые отказы, ограничивались тѣмъ, что облизывались или подбирали упавшія на землю зерна. Одинъ изъ ихъ, помолоде и поухощавше, зашелъ съ другой стороны лошади и усѣбно стянулъ немного лакомага корму, но за свою предприимчивость получилъ сильный ударъ копытомъ въ зубы и огласилъ саклю

произвѣстнымъ крикомъ. Хотя по пословицѣ «слѣтѣй голоднаго не разуваетъ», но мнѣ было жалъ бѣдныхъ животныхъ и я просилъ Юване накормить ихъ. Онъ отвѣчалъ, что ишачки очень много ѣли, они дескать такъ обжорливы, что ихъ никогда довольно не на кормишь, но что впрочемъ, если я того желаю, то онъ пойдетъ задрать имъ корму. Онъ вышелъ изъ сакли и возвратился, принесъ въ пригоршнѣ немного какаго-то сору. Тутъ были два три сухихъ древесныхъ листа, ветки, палки, щепки и даже осколки глинянаго горшка. Всю эту дрянь, собранную имъ втроитно не дайте порога сакли—онъ бросилъ ишачкамъ, сказавъ имъ какое-то грузинское слово, на которое они не обративъ вниманія—занялись подачкою. Но какъ ни переворачивали они ея мордами—съданныхъ веществъ было не много и ишачки снова начали фуражировать вокругъ моей лошади, получая по временамъ отъ нея за свои подвиги должное вознагражденіе. Видя что мой Юване не богать хозяйственными запасами—я ужъ несталъ обращать его вниманіе на неоспоримый аппетитъ животныхъ.

Когда я узналъ достаточно подробно, какъ мается и проживаетъ мой хозяинъ и даже о его дружелюбныхъ и не дружелюбныхъ отношеніяхъ къ односельчанамъ, разговоръ болѣе не вязался. Я хотѣлъ ужъ улечься заснуть, какъ вдругъ ему вздумалось спросить: зачѣмъ я попалъ въ Цавкиси. Я объяснилъ, что имѣю это удовольствіе благодаря тѣмной ночи и своей разсѣянности, и упомянулъ объ овратѣ, который—такъ долго задерживалъ меня, что тутъ вѣроятно не обошлось безъ продѣлокъ нечистаго. . . .

«Случается,—сказалъ старикъ улыбувшись и это была первая его улыбка во весь вечеръ—, а переправиться съ лошадыю чрезъ овратъ можно; это не то что воть вереть десять въ сторону, овратъ буйволиной шкуры (ბუბოლის კისკობს), тамъ самъ чертъ рога сломаетъ, а доброму Грузину и на четверенькахъ туда не спуститься!» . . .

Нужно только, въ любомъ мѣстѣ, въ Грузіи, познакомиться съ туземцами, чтобы услышать какое нибудь преданіе, и быть хоть мало-мальски литераторомъ, чтобы не отказать себѣ въ удовольствіи не-

чтатно разсказать это преданіе. Почти во всѣхъ ихъ есть внутренній смыслъ, нравственныя наставленія. Вотъ какъ старикъ объяснилъ мнѣ мудреное названіе оврага.

Давно ужъ то было, даже неизвѣстно была ли тогда еще турецкая вѣра или все люди были христианами, въ одной деревнѣ жилъ женатый Грузинъ, и имѣлъ онъ сына и отца—старика. Отецъ былъ лѣтъ ста, и ничего не хотѣлъ ужъ работать. Выйдетъ бывало на порогъ сакли, сидеть цѣлый день и стругастъ книжаломъ палочку, а не то такъ молится Богу или ворчитъ на дѣтей. Сталъ чертъ незнать мужика: зачѣмъ молъ, кормишь по напросу старика, на что тебѣ такой отецъ, только вѣтъ задаромъ хлѣбъ, да ворчитъ. . . . И сталъ мужикъ раздумывать—куда бы ему спровадить старика, а чертъ тотчасъ и надомыслилъ. Взялъ мужикъ буйволиную шкуру и пришелъ къ отцу. «Пойдемъ отецъ, говорить, пора тебѣ и на тотъ свѣтъ, что живешь и объѣдаешь насъ!» Заплаткаль отецъ и пошелся за зымъ сыномъ. Дремучимъ лѣсомъ пробрался онъ къ оврагу. Посадила мужикъ отца на шкуру, положилъ подлѣ него чурекъ, да соли, попросилъ не поминать лихою, и спустилъ въ грочу. Хотѣлъ ужъ было мужикъ идти домой какъ слышитъ кто-то говорить: буйволиную шкуру же возьми!—глядь, а его сыниска пришелъ полѣдь за нимъ. «На что тебѣ шкура?»—Какъ на что! а сдѣлаешься ты старикомъ и тебѣ спущу на ней въ овратъ! . . . Тогда понялъ, что сдѣлалъ неразумный мужикъ, какъ попуталъ его сорокъ разъ проклятый чертъ! Со слезами, на козляныхъ онъ спустился внизъ; видитъ сидитъ его отецъ невредимъ и, какъ ни въ чемъ ни бывало, тѣтъ чурекъ. Возмылся сынъ, сталъ слезно просить прощенія, сталъ клясться Св. Георгіемъ, что будетъ почитать и кормить отца и упрасилъ его возвратиться домой. Жилъ еще долго старикъ, но пережилъ его сынъ и до глухой старости цѣнилъ его и кормилъ дѣтя, внуки и правнуки. . . . Видно простилъ ему Св. Георгій прегрѣшеніе тяжкое!

(Оконч. въ слѣд. №.)

— Сегодня, 10 Января, здѣшній Нѣмецкій клубъ—данъ будетъ танцевальный вечеръ.

начавшему съ особеннымъ успѣхомъ огородничество въ самомъ Тифлисѣ и его окрестностяхъ, постоянно снабжающему городъ хорошими огородными произведеніями, за представленные имъ на выставку, образцы, въ естественномъ видѣ и заготовленными въ прокъ, вторую большую премію—серебряный кувшинъ въ сто рублей серебромъ.

4) Помѣщику тифлискаго уѣзда, Ивану Петровичу Арджеванидзе Макарову, за стараніе его объ улучшеніи огородничества и за отличныя, преимущественно маринованныя огородныя произведенія въ туземномъ вкусѣ, на выставку имъ представленныя, третью большую премію, состоящую изъ серебряной азарнеші въ пятьдесятъ рублей серебромъ.

Кромѣ того, желая поощрить скромныхъ труженниковъ, на полрицѣ Сельскаго Хозяйства въ здѣшнемъ краѣ подвизающихся, которыхъ труды обратили на себя особенное вниманіе на бывшей выставкѣ, Советъ Общества положилъ наградить выдачами по пятидесяти руб. серебромъ:

1) Казеннаго крестьянина изъ селенія Марткоби Давида Чубинадзе.

2) Садовника Д. Чл. Общества Барона А. П. Николая, Алексеева.

3) Огородника Д. Чл. Общества князя Г. О. Амилухварова, Сергѣя, и

— Похвальнымъ отъ имени Общества отзывать: садовника ботаническаго сада въ Тифлисѣ, иностранца Эллера.

УЧЕНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Слѣвшимъ порадовать любителей Географіи Азіи извѣстіемъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ новаго исправленнаго изданія классическаго сочиненія Гумбольдта: *Средняя Азія*, изданнаго въ первый разъ въ 1845 году. Приятную новость эту почерпаемъ мы изъ IV тома *Географическаго Ежегодника Бергхауза*, гдѣ сверхъ того Бергхаузъ сообщаетъ краткій обзоръ развитія географическихъ свѣдѣній о Средней Азіи въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, и отрывокъ изъ новаго предисловія барона Гумбольдта. Считаемо не излишнимъ помѣстить въ нашей газетѣ переводъ того и другаго.

Много лѣтъ пользуясь дружескими сношеніями съ Александромъ Гумбольдтомъ, я обязанъ ему на этотъ разъ совершенно доселѣ неизвѣстнымъ географическимъ очеркомъ части Азіи между восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря и озерами Балхашъ и Иссы-Куль, изъ которыхъ послѣднее лежитъ у подошвы покрытаго снѣгами Небснаго хребта (Тянь-Шань). Очеркъ этотъ показываетъ, какъ неожиданно усилилось въ послѣднее десятилетіе ученое развитіе азіатской Географіи, основанное на астрономическихъ и гипсометрическихъ измѣреніяхъ широты и долготы, на пространствѣ тридцати градусо въ долготы (въ параллеляхъ 57° и 47°). Экспедиція двигалась къ Югу въ двухъ направленіяхъ: отъ Оренбурга и Орска по южному Уралу къ Аральскому морю, очертанія котораго были совершенно неизвѣстны, и къ устьямъ Сыръ-и-Аму-Дарьи (Яксартъ и Оксусъ); а потомъ отъ Устькаменигорска и Бухтарминска къ горному озеру Иссыкуль и къ Тимуртагу, прилежащему къ западной вѣтви Небснаго хребта. Теперь уже идетъ непрерывный рядъ небольшихъ укрѣпленій отъ северо-запада къ юго-востоку, изъ Оренбурга, черезъ степи Малой Киргизской Орды, по северо-северо-восточному берегу Аральскаго моря къ Аральскому укрѣпленію, называвшемуся прежде Райнскимъ. Отсюда стронется другой рядъ военныхъ постовъ къ востоку-юго-востоку, вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, берегамъ степнаго озера Бобытинъ и Ташкендо-Коканской границъ. Линією такихъ же укрѣпленій отъ южнаго края Алтая у Бухтарминска, черезъ степь большой Киргизской Орды, перейдя рѣку Или на западъ отъ Гульджи, русско-алтайская граница соединится съ озеромъ Иссы-Куль. Такъ далеко пробра-

лись теперь въ эту часть Северо-Западной Азіи противъ параллелей Ходженда и Аксу, и крѣпость на озерѣ Иссы-Куль вѣроятно скоро узнаетъ о древнихъ вулканическихъ изверженіяхъ Тянь-шана, извѣстныхъ намъ изъ Китайскихъ летописей. Предпріятія этого рода, о которыхъ Императорское Географическое Общество общаесть намъ скорыя и блажайшія свѣдѣнія, и которыя дѣлаютъ честь просвѣщенному образу мыслей Правительства, вѣроятно будутъ равно обильны слѣдствіями и для политическихъ отношеній къ соседнимъ Государствамъ, и для Физической Географіи страны, внутренность которой была такъ мало извѣстна.

Приложенный къ настоящей тетради (*) очеркъ заключаетъ въ себѣ результаты новѣйшихъ съемокъ и изслѣдованій на пространствѣ отъ восточнаго берега Каспійскаго моря до Меридіана Аксу, и заимствованъ изъ новой карты Внутренней Азіи, изготовляемой для втораго изданія Гумбольдтова сочиненія и заключающей въ себѣ много улучшеній противъ изданной въ 1845 году. Любители Географіи знаютъ, что карта эта, основанная на астрономическихъ и гипсометрическихъ измѣреніяхъ, имѣла цѣлю изобразить, въ общихъ чертахъ горныя системы Внутренней Азіи, которыя до сихъ поръ представлялись съ большими ошибками. Баронъ Гумбольдтъ позволилъ еще мнѣ, для объясненія этой части его новой карты Средней Азіи, извлечь изъ предисловія ко второму изданію этого труда слѣдующее мѣсто.

« Съ того времени, когда я издалъ результаты астрономическихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ путешествіи мое по Сибири, и карту Средней Азіи, Географія обширной части материка между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и сѣверными отрогами Тянь-Шана, получила болѣе твердыя основанія, благодаря благодарному содѣйствію Правительства, Императорскаго Географическаго Общества и многихъ усердныхъ и просвѣщенныхъ наблюдателей. Я уже воспользовался многими драгоценными указаніями состоящаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Статскаго Совѣтника Я. Ханькова, котораго продолжительное пребываніе въ Оренбургѣ было весьма полезно для ближайшаго ознакомленія съ южною оконечностію Урала и степями, простирающимися на востокъ-юго-востокъ къ Аральскому морю. Карта Урала и карта степей Оренбургскихъ Киргизовъ, изданная въ 1845 году Джомомъ Арроузитомъ въ Лондонѣ, составлены по этимъ указаніямъ. Къ картѣ степей приложена объяснительная записка, за которую обязанъ Н. В. Ханькову, брату автора. Ему же принадлежитъ важное для геологій замѣчаніе о *несуществованіи посредствующей горной цѣпи, которая бы соединила южную оконечность Мугоджарскихъ горъ Уральскаго хребта съ северо-восточною оконечностію Усть-Урта*. Горныя хребты оканчиваются у сѣверныхъ истоковъ рѣчки Чегань, а утесы Чинке начинаются гораздо южнѣе. Благосклонному расположенію Генерала Болотова, состоящаго при Главномъ Штабѣ Его Императорскаго Величества и при С. Петербургской Военной Академіи, обязанъ я тѣмъ, что, составляя вновь карту Средней Азіи, могъ измѣнить очертаніе окрестностей Арала, Балхаша и Иссы-Куля, при подошвѣ вулканическаго, покрытаго снѣгами хребта Тянь-шань. Очеркъ, представляющій эти важныя измѣненія, есть приведеніе въ малый размѣръ составленной подъ руководствомъ Генерала Болотова карты очень большого масштаба. Авторъ превосходнаго *Курса Геодезіи* на русскомъ языкѣ, Генералъ Болотовъ, съ рѣдкою пропнцательностію приложилъ къ азіатской

(*) Четвертой Бергхаузова Ежегодника, изъ которой переводимъ мы настоящую статью. Карта обнимаетъ пространство между 57° и 47° сѣв. широты и 49½ и 30° восточной долготы.

инакографіи прожнію Гаусса. Онъ же, пользуясь новѣйшими и самыми точными данными, начертилъ карту восточнаго берега Каспійскаго моря отъ Мертваго-Култука, при входѣ въ который недавно построено Ново-Александровское Укрѣпленіе, до залива Балхашъ (древнее устье Аму-Дарьи или Оксуса) и до Астрабада, юго-восточной оконечности этого бассейна. Новое очертаніе этого берега, существенно разнится отъ карты Колодкина (1826), которой я долженъ былъ слѣдовать во время путешествія, совершеннаго подъ покровительствомъ Его Величества, Императора Всероссийскаго. Съѣмки Гг. Басаргина, Бутовскаго и Полковника Бларамберга, который сопровождалъ ученаго Карелина въ его путешествіи 1836 г. исправили Географію этихъ мѣстностей. Географія Аральскаго моря неожиданно достигшая настоящей степени совершенства, обязана этимъ сколько прекраснымъ и многочисленнымъ наблюденіямъ моего почтеннаго друга, Подполковника Лемма (1846), столько же тяжкимъ и обширнымъ трудамъ Гг. Офицеровъ Императорскаго Флота Бутакова и Писпялова (съ 1848 по 1850). Сдѣланы тоже тригонометрическія съѣмки вѣсѣхъ береговъ и острововъ Арала, населенныхъ стадами Антилопъ-сайга (дикихъ козъ). Эти матеріалы и еще множество другихъ послужили основаніемъ для *Карты Аральскаго моря, Хивинскаго Ханства и части Хорасана, составленной въ масштабѣ 50 верстѣ въ англійскомъ дюймѣ Яковомъ Владимировичемъ Ханьковымъ* (*). Въ самой восточной части карты Генерала Болотова, вошедшей въ мою новую карту Средней Азіи, очертаніе озеръ Тенгизъ и Иссы-Куль (Исыкъ-Куль) основано на астрономическихъ наблюденіяхъ г. Оедорова, о которомъ я уже много разъ упоминалъ въ первомъ изданіи моего труда, и на изслѣдованіяхъ г. топографа Нифантьева, трудившагося подъ покровительствомъ бывшаго Генералъ-Губернатора Западной Сибири, князя Горчакова. Городъ Хива, широта котораго основана на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ не на самомъ мѣстѣ, помѣщенъ г. Болотовымъ подъ 40° 15'; тотъ же географъ помѣщаетъ долготу Коканда цѣлымъ градусомъ западнѣ прежнихъ опредѣленій. Основываясь на находящихся у меня различныхъ матеріалахъ, говорю объ, я убѣдился, что о. о. Езуиты д' Арроха и Галлерштейнъ ошибочно опредѣлили долготу этого города, и что разстояніе между Кокандомъ и Ходжендомъ, также какъ между Ходжендомъ и Самаркандомъ, гораздо менѣе, чѣмъ предполагали. Оканчивая этотъ обзоръ замѣчательныхъ трудовъ, характеризующихъ успѣхи географіи Западной Азіи за послѣднія пятнадцать лѣтъ, я считаю долгомъ упомянуть еще: 1) объ астрономическомъ путешествіи г. Лемма (1838) въ Персію, изъ Астрахани, по Каспійскому морю и Хорасану, въ Тавризъ и Тегеранъ (путешествіе это издано г. Отто-Струве въ 1851 году); 2) о двухъ большихъ томахъ астрономическихъ и геодезическихъ матеріаловъ, собранныхъ Генераломъ Броиченко въ драгоценныхъ *Запискахъ Военно-Топографическаго Делю*; и 3) о большой картѣ Малой Азіи г. Болотова, которая будетъ приложена къ замѣчательному физическому и геологическому путешествію Г. П. Чихачева.»

В. Завьяловъ.

(*) Карта эта прекрасно издана въ 1851 году, въ С. Петербургѣ, на русскомъ и французскомъ языкахъ. О картографическихъ и географическихъ трудахъ Я. В. Ханькова помѣщена статья въ извѣстіяхъ Рус. Геогр. Общ. за 1851 годъ, стр. 291-502.

ТИФЛИССКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ воскресенье 11-го Января.

1. Игроки. 2. Что имѣемъ нехранимъ, потерявши, плачемъ. 3. Трудно быть слугою двухъ господъ.

По недостатку мѣста, Метеорологическія наблюденія прилагаются къ этому № отдѣльно напечатанныя.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.